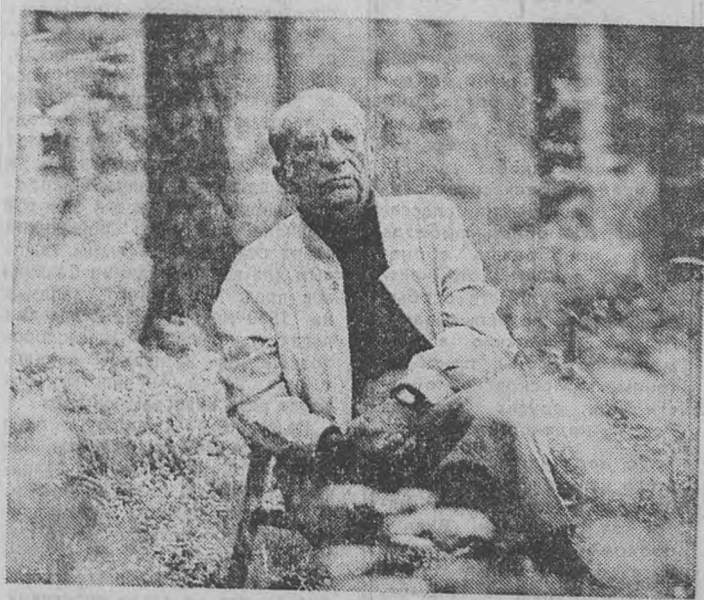

1988. - 28 сент.

Мастера искусств

МУЖЕСТВО ПРАВДЫ

О многолетнем режиссерском поиске Георгия Александровича Товстоногова, о гранях его таланта размышляет народный артист СССР Олег Басилашвили.

Огромная популярность Товстоногова сама по себе парадоксальна. Вдумаемся: ведь это не писатель, творения которого любой может прочитать в книге, не актер, чью работу нам доставляет на дом телевидение. Товстоногов — театральный режиссер, и подавляющее большинство населения нашей страны не видело его работ.

Это высшая мера признания художника — когда его авторитет «жив мнением народным». Стремительно мчатся годы, меняется «обойма» ве ущих режиссеров отечественного театра, но по-прежнему спрашивают лишний билетик у нашего здания на Фонтанке. Один критик верно заметил: «Как минимум это означает, что Товстоногов не стоит на месте». Могу лишь добавить по праву человека, имеющего счастье без малого тридцать лет трудиться под руководством Товстоногова, что даже мы, старожилы БДТ, отлично знающие своего лидера, не устаем поражаться, как непредсказуемо смел и точен он в назначениях на роль.

Так было, когда в привычном для всех исполнителе ролей молодых красавцев Владиславе Стрельчике он угадал тертого жизнью, хищного Цыганова из горьковских «Варваров». В тяготеющем к образам современников Кирилле Лаврове увидел голеговского Горюхиного, а мне после роли тонкого интеллигента Прозорова преложил сыграть тупого и завистливого Ксанфа в «Лисе и виноград». Каюсь, однажды попытался оспорить решение Георгия Александровича — при назначении на роль Простого человека в «Энергичных людях» В. Шукшина. Изложил, как мне казалось, неопровержимые аргументы: ни внешностью, ни манерами не подхожу для изображения сомнительной фигуры, заедающей у пивного ларька «бормотуху» плавленным сырком. «Вот и прекрасно, — ответил Товстоногов, — я и предлагаю сыграть ваше собственное отношение к такому типу».

Объединив под своим началом людей очень разных по интересам и вкусам, по степени одаренности и профессионализма, он сумел сплотить всех нас для выполнения главной, сформулированной им цели: «растревожить сознание зрителя, пробудить в нем потребность задуматься о себе, о своем существовании в мире».

Именно исходя из этого, он выстраивает репертуар. Для него не существует предложений типа «надо бы Островского поставить», давненько у нас не шел...» Главное не имя автора, не тема даже, а то — есть или нет в пьесе, пусть самой знаменитой, материал, способный именно сегодня взволновать зрителя, заставить задуматься, рассмеяться, заплакать.

Наглядный урок современного прочтения Чехова я получил, работая с Георгием Александровичем над «Дядей Ваней», где мне доверили главную роль. Казалось, понимаю этого в сущности доброго, сложенного жизнью человека. В этаких элегических тонах и представлялся его образ. Но вот пошла работа, беседы с Товстоноговым об отдельных сценах. Режиссер постепенно подводил меня к тому, что, конечно, Чехов любит своего дядю Ваню. Но вместе с тем ставит медицински точный диагноз: здесь не только трагедия личности, сложенной деспотизмом и бездушием, но и история того, как способный человек просмотрел, прозевал свою жизнь. И хотя он с ожесточением кричит, что из него Шопенгауэр мог выйти, наверное, гораздо серьезнее, что из него не вышел Иван Петрович Войничский таким, каким вполне мог стать.

Признаюсь, далеко не сразу смог принять такую трактовку роли. Дядю Ваню на русской сцене играли выдающиеся мастера, нелегко было преодолеть традицию исполнения, заново вскрыть в популярнейшем чеховском тексте мысли, особенно важные сегодня. И теперь, рассказывая у себя в театре историю интеллигента прошлого века, мы вместе со зрителем стремимся поразмышлять о том, какую страшную цену платит человек, если идет на компромиссы в жизни, разрешает себе быть безответственным.

Георгия Александровича и всех нас, кто работает рядом с

ним, интересует прежде всего мир мыслей и поступков простого человека, которого, увы, слишком долго было принято считать «винтиком», от которого ждали безусловного подчинения и радостного голосования «за».

Ну, а Товстоногов убежден, что простой гражданин и есть хозяин страны и во всяком случае заслуживает, чтобы с ним говорили честно, искренне о сложностях, а порой и трагических сторонах жизни. И ставит «Три мешка сорной пшеницы» — спектакль, полный горькой пронзительной правды о тыловой деревне военной поры. А в шекспировской хронике «Король Генрих IV» словами великого драматурга мы говорили о том, о чем повсюду спорили втихомолку — о борьбе за власть, о терроре. А в инсценировке толстовского «Холстомера» — о трагической судьбе существа, своими способностями, мироощущением выбивающегося из общего ряда.

Чтобы оставаться самим собой, не фальшивить, не ставить однодневки к многочисленным важным датам, он вынужден был добровольно избирать путь постоянной изматывающей борьбы с людьми, часто абсолютно некомпетентными, но обладающими властью. Истинный художник, Товстоногов не согнулся, не изменил своим принципам, точно так же, как Михаил Зощенко или Борис Пастернак.

Такое сравнение многих может удивить, ведь творческая судьба Товстоногова сложилась успешно. Десятки блестящих спектаклей не только в БДТ, но и на сценах разных стран, звания лауреата Ленинской и Государственных премий, Героя Социалистического Труда, народного артиста СССР. Однако за кулисами все выглядело далеко не так радужно. Сколько сил и здоровья, так нужных для творчества, отняли у него чиновники от культуры и привыкшие разыгрывать из себя меценатов функционеры, занимавшие высокие посты.

Ведь это же факт, что в начале 70-х в Министерстве культуры выдающемуся режиссеру устроили постыдный разнос за то, что, мол, в «Ревизоре» в неверном свете представлены чиновники (?!). Это было подкреплено статьей в центральной печати, где театр обвинили чуть ли не в антисоветизме. И Товстоногов был вынужден предпринять демарш: написал заявление об уходе и какое-то время не приходил в театр. Ведь это же факт, что в ответ на приглашение бывать в театре бывший руководитель Ленинградской партийной организации со свойственным ему циничным юмором ответил: «Я хорошо отношусь к вашему театру и потому у вас не бываю. Потому что, как докладывают мне референты, если приду, то придется ставить вопрос о закрытии театра».

Вспоминаю об этом и потому, что как раз творчество Товстоногова уже давно было направлено на то, чтобы покончить с подобными явлениями в нашей жизни. Используя сегодняшнюю терминологию, мы вправе сказать, что Георгий Товстоногов многие годы честно трудился во имя перестройки. Причем умело делал это не только в нашей стране. Швеция, Англия, Франция, Аргентина, ФРГ, Австрия, Финляндия — лишь часть адресов наших гастролей, во время которых тысячи людей впервые открывали для себя искусство советского народа.

Так, в Японии 5 лет назад мы попали в разгар антисоветской истерии, но ни один спектакль не сорвался, были овации и цветы. И возникло в этой стране «Общество любителей искусства БДТ», кстати сказать, стараниями которого мы приглашены как раз в эти дни на повторные гастроли. И снова в далекой стране играем без всякого перевода Чехова и Толстого. И нас отлично понимают. Да и как не понять: честь, совесть, порядочность — на разных континентах, в любые эпохи такой мерой проверяют истинность помыслов и поступков человека.

Записал
А. ГЕРВАШ.

ЛЕНИНГРАД.

Фото Ю. БЕЛИНСКОГО.

(ТАСС).